

Евгений Савицкий

Против Гитлера, но ненасильственно:

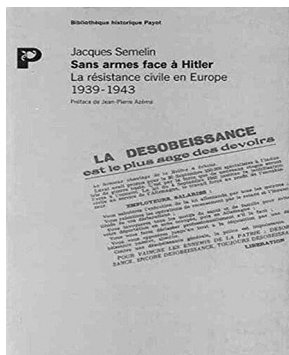
О ЗЫБКИХ ГРАНИЦАХ СОПРОТИВЛЕНИЯ
И СОТРУДНИЧЕСТВА

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_459

Semelin J. *Sans armes face à Hitler: la Résistance civile en Europe (1939—1943)*.

P.: Payot, 1989. — 270 p. — (Bibliothèque historique Payot).

Книга психолога, историка, политолога и политического активиста Жака Семелена¹ «Без оружия против Гитлера: гражданское сопротивление в Европе (1939—1943 гг.)» вышла в 1989 г. С тех пор она неоднократно переиздавалась и дополнялась². С 1992 по 2021 г. она была переведена на английский, итальянский, польский, греческий и немецкий, что свидетельствует о сохраняющейся актуальности и востребованности книги. Но начнем с историографического контекста первого издания.

Конец 1980-х, в самом разгаре «спор историков» (Historikerstreit) об уникальности преступлений нацизма³. Сравнивая два «тоталитаризма», советский и немецкий⁴, Эрнст Нольте (с выступления которого и начался спор) утверждал, что лагеря и массовое уничтожение людей не были в ту эпоху чем-то исключительно немецким и, более того, что жестокость немецкой политики во многом диктовалась страхом перед беспримечной жестокостью большевиков и их экспансионистскими планами. Позднее исследователи указывали также на широкую практику использования концлагерей и террора в отношении мирного населе-

- 1 См. автобиографию Семелена: *Semelin J. J'arrive où je suis étranger*. P., 2007. Проблематике ненасилия посвящен целый ряд работ этого автора, в частности: *Idem. Pour sortir de la violence*. P., 1983; *Idem. La non-violence expliquée à mes filles*. P., 2000; *Idem, Mellon F. La Non-violence*. P., 1994.
- 2 В издании 2013 г. была расширена хронология: *Semelin J. Sans armes face à Hitler: la Résistance civile en Europe (1939—1945)*. P., 2013. Изначально книга заканчивалась 1943-м, так как автор считал, что брутализация войны оставляла все меньше возможностей для ненасильственных актов сопротивления, в частности во Франции после полной ее оккупации в ноябре 1942 г. Переходу к преимущественно вооруженной борьбе способствовали и поражения германской армии осенью 1942 — зимой 1943 гг. в Северной Африке и под Сталинградом, открывавшие перспективы освобождения Европы в обозримом будущем.
- 3 См.: „Historikerstreit“: die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung / Hrsg. von E.R. Piper. München; Zürich, 1987.
- 4 О критике понятия «тоталитаризм» см.: За рамками тоталитаризма: сравнительные исследования сталинизма и нацизма / Под ред. М. Гейера и Ш. Фицпатрик. М., 2011.

ния в колониях как до, так и после Второй мировой войны⁵. Схожие вопросы ставились и в связи с «бомбовой войной»: в какой мере бомбардировки англичанами и американцами германских городов являются целенаправленным массовым и индустриально организованным уничтожением мирного населения, аналогичным холокосту?⁶ Отмечалось, что подобные практики террористических бомбардировок были изначально отработаны в колониях и в странах Ближнего Востока в 1920—1930-е гг.⁷ Нормальность таких методов предполагала, что они необязательно должны были вызывать протест или сопротивление у людей того времени (если не применялись к ним самим), а потому несправедливы ретроспективные упреки в «молчаливой поддержке» Гитлера немцами и многими жителями оккупированных стран. В этом контексте особенно важен был вопрос, как именно воспринимали люди того времени события войны и холокоста, чему, в частности, уделялось много внимания в рамках западногерманской «истории повседневности» 1980—1990-х гг.⁸

Другой важный контекст — дискуссии между интенционалистами и функционалистами о причинах и природе холокоста⁹. Если интенционалисты подчеркивали злую волю Гитлера и его окружения¹⁰, то функционалисты как бы нормализовали холокост, показывая, в какой мере он был результатом рутинных бюрократических практик, сочетавшихся зачастую с отсутствием четкого плана. На то, что холокост не был чем-то экстраординарным, а вырос из заурядной менеджерской ментальности, указывали уже Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения» (1947), а позднее и Х. Арендт в «Банальности зла» (1963). Но особенное значение имел труд Р. Хильберга «Уничтожение европейских евреев», вышедший в 1961 г. и переизданный в расширенном, трехтомном варианте в 1985 г.¹¹ Тогда же, в 1985-м, состоялась премьера фильма К. Ланцмана «Шоа», в котором Хильберг выступал основным экспертом. Историк уделял особое внимание тому, что можно было бы назвать актами повседневного сопротивления нацизму; впрочем, в его описании они представляли довольно сомнительными.

Так, в 1935 г. при разработке и обсуждении закона об имперском гражданстве чиновники германского министерства внутренних дел всячески противодействовали стремлению Гитлера и вообще партийной верхушки трактовать понятие «еврей» расширительно, включая в него и «полуевреев», и в итоге чиновникам удалось отстоять эту свою позицию. Позднее, после войны, подобные действия

-
- 5 См., в частности: *Kreienbaum J.* A Sad Fiasco: Colonial Concentration Camps in Southern Africa, 1900—1908. N.Y., 2019; *Bennett H.* Fighting the Mau Mau: The British Army and Counter-insurgency in the Kenya Emergency. Cambridge, 2013. См. также краткий обзор «глобальной истории» концлагерей: *Stone D.* Concentration Camps: A Short History. Oxford, 2017.
 - 6 *Friedrich J.* Der Brand: Deutschland im Bombenkrieg, 1940—1945. München, 2002.
 - 7 См.: *Satia P.* The Defence of Inhumanity: Air Control and the British Idea of Arabia // *The American Historical Review*. 2006. Vol. 111. No. 1. P. 16—51; *Böhm M.* Die Royal Air Force und der Luftkrieg, 1922—1945. Paderborn, 2015.
 - 8 См.: *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / Пер. с англ. и нем. К.А. Левинсона и др. М., 2010.
 - 9 См.: *Mason T.* Intention and Explanation: A Current Controversy about the Interpretation of National Socialism // *Der Führerstaat: Mythos und Realität* / Hrsg. von G. Hirschfeld, L. Kettenacker. Stuttgart, 1981. S. 21—40.
 - 10 *Шупер У.* Взлет и падение Третьего Рейха: В 2 т. / Пер. с англ. под ред. О.А. Ржешевского. М., 1991; *Dawidowicz L.* The War Against the Jews, 1933—1945. N.Y., 1975; *Hilgruber A.* Der Zweite Weltkrieg, 1939—1945: Kriegsziele und Strategie der großen Mächte. 6. Aufl. Stuttgart, 1996.
 - 11 *Hilberg R.* The Destruction of European Jews: In 3 vols. N.Y., 1985.

могли трактоваться как смелые акты гражданского сопротивления, однако, как показывал Хильберг, дело было вовсе не в тайной оппозиционности или гуманизме. Авторы закона были убежденными нацистами, молодыми чиновниками, занявшими высокие посты благодаря Гитлеру и вовсе не думавшими о том, чтобы подвергать сомнению партийную линию. Но они понимали и были способны доказать руководству, что расширительное толкование понятия «еврей» создаст целый ряд нежелательных сложностей: во-первых, говорили они, это количественно усилит «еврейскую сторону», в то время как «полуевреи» далеко не так опасны, ведь в них все-таки есть половина германской крови; во-вторых, это поставит «полуевреев» в худшее положение по сравнению с «полными евреями», так как первые имеют меньше возможностей эмигрировать или получить поддержку еврейских общин, что несправедливо; в-третьих, лишение «полуевреев» гражданства оставит вермахт без сорока пяти тысяч обученных солдат; в-четвертых, немало «чистокровных» и добропорядочных немцев многие годы женаты на «полуеврейках», часто не подозревая о происхождении своих жен, и лишение их гражданских прав вызовет широкое недовольство; в-пятых, среди «полуевреев» много заслуженных и важных для рейха людей и т.д.

Подобным образом Хильберг анализирует и последствия Хрустальной ночи 9—10 ноября 1938 г. — погромов еврейских магазинов и сожжения синагог «в ответ» на убийство евреем немецкого дипломатического служащего в Париже. Как показывает американский историк, погромы были инициированы Геббельсом, стремившимся усилить свои позиции во власти и действовавшим без согласования с другими представителями нацистской верхушки, но якобы получившим устное согласие Гитлера. Результатом погромов стали колоссальные убытки для немецких страховых компаний, так как уничтоженные товары и разгромленные помещения были застрахованы и часто принадлежали не евреям, а немцам (сдававшим магазины им в аренду), но даже и невыплата компенсаций евреям сильно подорвала бы доверие к немецким страховщикам. Представители бизнеса требовали недопущения подобных событий в будущем. С осуждением погромов выступили также министерство финансов и рейхсбанк, поскольку погромы усилили давление на курс марки, подрывали и без того хрупкую бюджетную стабильность. Министерство экономики, со своей стороны, указывало на то, что многие евреи — руководители зарубежных филиалов немецких фирм стали переходить со всей клиентурой к американцам и англичанам; усилилась международная кампания бойкота немецких товаров. Против погромов — причины неконтролируемых беспорядков и грабежей — выступили и министерство внутренних дел, и шеф полиции и СС Гиммлер. Ряд участников погромов, совершавших убийства и изнасилования, были арестованы и отданы под суд.

Кроме того, немецкие города были вынуждены нести большие расходы по устранению руин на центральных улицах. На специальном совещании у Геринга представители разных ведомств и бизнеса приняли решение о недопущении впредь еврейских погромов. Оно вновь было продиктовано не гуманизмом или внутренним сопротивлением политическому курсу, а пониманием того, что спонтанные непродуманные акции лишь наносят вред рейху и нужен более планомерный подход к «еврейскому вопросу». Хильберг приводит и много других подобных примеров «противодействия» нацистской политике как на высшем, так и на низовом уровне; так, венские полицейские протестовали против откомандирования их для сопровождения поездов с депортируемыми евреями, поскольку им, полицейским, не обеспечивалось в пути необходимое довольствие. Таким образом, определенные поступки, рассмотренные изолированно, могут выглядеть актами гражданского сопротивления, но на деле они не всегда противоречили соучастию в реализации

преступной политики и даже повышению ее эффективности. При этом, как отмечает во введении Семелен, акты гражданского ненасильственного сопротивления долгое время оставались мало исследованными: основное внимание уделялось событиям на фронтах и вооруженному движению Сопротивления в тылу.

Изучению ненасильственного сопротивления и его валоризации мешали не только большой масштаб и яркость военных событий, затмевавших собой гражданские акции, следы которых историкам порой трудно обнаружить. Другим препятствием было то, что отказ от насилия в конце 1930-х — начале 1940-х гг. и также после войны ассоциировался с политикой умиротворения Гитлера и Муссолини — отказом от поддержки Эфиопии, невмешательством в гражданскую войну в Испании, сдачей Австрии и Чехословакии. С пацифистских позиций во Франции и Великобритании в предвоенные годы выступали в основном правые и крайне правые политические силы, осуждавшие кровожадность коммунистов и других левых радикалов, а также некоторых либералов, призывавших к немедленному объявлению войны Германии¹². Позднее многие из этих сторонников ненасильственных мер воздействия на Гитлера, поиска взаимопонимания ради сохранения мира, шли на сотрудничество с германскими оккупационными властями или поддерживали переговорные инициативы летом 1940 — весной 1941 г.

Поэтому Семелен счел крайне важным исследовать разнообразие актов гражданского сопротивления нацизму, их причины, особенности в разных странах и результаты, обращая при этом внимание не только на сами события, но и на те социально-психологические обстоятельства, в которых они оказывались возможными и на которые в свою очередь оказывали влияние. Ненасильственные акции, влияя на общественное мнение, могли создавать необходимый моральный фон для иных форм сопротивления. Так, создание нелегальной газеты порой приводило к появлению у подпольной группы вооруженного крыла. Автор подчеркивает, что было бы неправильно рассматривать ненасильственные формы сопротивления как всего лишь дополнение к другим, военным. Ненасильственное сопротивление могло иметь сугубо гражданские задачи, не связанные ни с какими военными целями. Важным оказывалось не уничтожение солдат противника, а отстаивание основополагающих для общества прав и свобод. Это могли быть акции профсоюзов, религиозных организаций, судебных инстанций, спортивных объединений и т.д.

Вот почему Семелен не рассматривает такие формы сопротивления, как сбор разведывательной информации или акты саботажа по заданию находящихся за рубежом штабов для поддержки боевых операций. Под ненасильственным гражданским сопротивлением он понимает спонтанную невооруженную борьбу гражданского общества против внешнего агрессора. Обычно в таких случаях речь идет о том, чтобы просто сказать «нет», а не о каких-то хорошо разработанных и далеко идущих планах. Соответственно, таким формам протеста свойственны импровизация, творчество, но также и хрупкость. Это коллективные формы сопротивления, и этим они отличаются от индивидуального инакомыслия и неподчинения. Средства такой борьбы могут быть экономические, юридические, педагогические, религиозные, медицинские и т.д. Впрочем, замечает Семелен, нередко выбор таких средств борьбы объяснялся отсутствием оружия, а не приверженностью идеям ненасилия.

Рассматриваемые в книге примеры относятся к Западной и Северной Европе, а также к Польше и Чехии, где немецкая политика в отношении местного населе-

12 *Pugh M.* “Hurrah for the Blackshirts!”: Fascists and Fascism in Britain Between the Wars. L., 2013; *Idem.* Liberal Internationalism: The Interwar Movement for Peace in Britain. N.Y., 2012; *Azéma J.-P.* De Munich à la Libération, 1938—1944. P., 1979. P. 12—14.

ния (за исключением евреев, рома и др.) была менее насильственной, чем дальше на востоке, а потому допускала, особенно в первые годы войны, не только сопротивление с оружием в руках. Кроме того, по мнению автора, ненасильственному сопротивлению способствовал преимущественно равнинный характер Западной и Центральной Европы, в то время как в горных районах, особенно на Балканах, было больше возможностей для вооруженной борьбы.

Семелен начинает с анализа изменений в политической географии после 1939 г. и особенностей оккупации разных стран — от Дании, где оставался король и продолжало действовать свое правительство, а в 1943 г. были даже проведены очередные выборы с участием довоенных партий, получивших подавляющее большинство голосов, до генерал-губернаторства (урезанной Польши), где прежние национальные органы власти были полностью устранены. Дифференциация политических режимов и форм сотрудничества с оккупантами служит выдвиганию гипотезы, что возникновение различных форм насильственного и ненасильственного сопротивления зависело от того, какую позицию занимало местное правительство, в какой мере политический порядок в условиях оккупации сохранял легитимность, позволял населению сплотиться вокруг существующих национальных органов власти.

Семелен различает сотрудничество с оккупантами и приспособление к жизни в условиях оккупации. После того как прошел шок от быстрой победы немцев, люди пытались наладить жизнь, по возможности ввести ее в прежнее русло. Никто не был подготовлен к произошедшим изменениям, и потому особенно в первые месяцы нужно было заботиться о своем физическом выживании: поиске еды, а для многих — и нового жилья, места работы. При этом в условиях морской блокады со стороны Англии и переориентации торговых потоков на Германию любое предприятие оказывалось так или иначе служащим немецким интересам. Помимо этого, для большинства людей исход войны оставался неясным, и потому они предпочитали выждать, а не предпринимать поспешные действия.

По мере складывания черного рынка начинало формироваться что-то вроде особого чувства общности у тех, кто обладал секретами подпольного добывания нужных вещей и продуктов. Черный рынок становился и местом обмена неофициальными новостями, в том числе получаемыми благодаря тайному прослушиванию лондонского, а позднее также московского и браззавильского радио. Более рискованной практикой было чтение нелегальных газет, которые среди прочего давали советы, как себя вести: притворяться не знающим немецкого языка, даже если знаешь его; не торопиться с выполнением своих обязанностей на работе; не ходить в кино на немецкие и итальянские фильмы и т.д. Пропагандировался в них и «швейкизм» — идиотское исполнение приказов. Возникла практика ношения по праздникам одежды в цветах национального флага или понятных только своим знаком, например особым образом приколотой булавки.

Таким образом, было бы ошибкой строго делить жителей оккупированных стран на коллаборационистов и героев Сопротивления: между этими полюсами существовал большой спектр возможностей для добровольного или вынужденного приспособления, инакомыслия и выражения патриотических чувств. Семелен также указывает на существование «легальных нелегалов» — чиновников, которые, продолжая исполнять свои обязанности, работали на оккупантов, но благодаря своей информированности могли, например, предупреждать кого-то об облавах, помогали оформить новые документы или получить продовольственные карточки. Даже бойцы Сопротивления были заинтересованы в том, чтобы те продолжали работать, изредка оказывая ценные услуги своим. Такие случаи размывают четкие границы между сопротивлением и сотрудничеством. При этом возникает опас-

ность слишком широкого толкования сопротивления, которое будет легитимировать любые формы коллаборационизма, в том числе такие, которые лишь прикрывались видимостью сопротивления.

Зыбкость границ, по наблюдению Семелена, особенно видна на примере Дании, оккупированной в апреле 1940 г. Компромиссная политика ее правительства позволяла затягивать исполнение немецких требований, а то и вовсе их саботировать. Так, в январе 1941 г. Германия попросила передать ей в пользование восемь датских торпедных катеров, заверив, что этот «дружеский жест» ни в коем случае не будет нарушением «датского нейтралитета». Однако датское правительство ответило, что это невозможно, поскольку в меморандуме от 9 апреля 1940 г. Германия оставила датский флот под датским командованием. Берлину пришлось заявить, что датчане неправильно истолковали просьбу, и речь идет об использовании катеров лишь в учебных целях. Дания настаивала на своем. Лишь после того, как Германия пригрозила прекратить поставки угля, датчане уступили, демонтировав, однако, с катеров вооружение и навигационные приборы. В таком виде пользы от катеров было мало. Впрочем, политика компромисса вела в конечном счете к подчинению, и в августе 1943 г. датское правительство пало, так как не смогло предотвратить массовых протестных акций, а затем отказалось их подавлять. Уже с 1942 г. на датских заводах участились акты саботажа, а летом 1943-го начались забастовки и демонстрации с требованиями повышения зарплаты и строительства бункеров для защиты от английских бомбежек. В итоге немецким властям пришлось ввести военное положение и перейти к прямому управлению страной.

В Бельгии единственной ветвью власти, сохранившейся от довоенного времени, была судебная система, и в условиях оккупации граждане стали рассматривать ее как высший моральный авторитет. Решение судей продолжить свою работу основывалось на опыте оккупации 1914 г., когда бельгийские суды прекратили работу и тут же были созданы немецкие, выносившие суровые приговоры. Кроме того, бельгийские инструкции, составленные в межвоенное время, предписывали чиновникам в случае оккупации оставаться на своих местах. В результате бельгийские судьи рассматривали себя как последний бастион независимой бельгийской государственности. Но в действительности они мало что могли поделать с требованиями оккупантов: любой поиск компромисса упирался в непреклонность противоположной стороны. Так, судьи кассационной палаты приняли решение о неправомочности антиеврейских законов, принятых в октябре 1940 г., поскольку бельгийское законодательство запрещает любую дискриминацию. Однако под давлением немцев судьи были вынуждены признать, что эти акты могут применяться при условии невнесения их в официальный журнал узаконений и, таким образом, бельгийское государство не будет нести ответственность за их применение. Немцы достигли своей цели: местные бельгийские чиновники занялись преследованием евреев, лишая их права на определенные виды деятельности.

Еще более тяжелый кризис наступил в ноябре 1942 г., когда шестая палата апелляционного суда объявила незаконной предпринятую по немецкой инициативе административную реформу. Несмотря на оказанное давление, пленум апелляционного суда высказался в поддержку шестой палаты. Уже на следующую ночь президент палаты и ассессоры были арестованы, кроме них были взяты в заложники многие другие судебные служащие. Из солидарности с ними была объявлена забастовка, однако она прекратилась после немецкого ультиматума, грозившего новыми репрессиями. Хотя арестованные были освобождены, в вопросе, из-за которого все началось, судьи ничего не добились. В дальнейшем бельгийские суды хотя и пытались порой вступаться за депортируемых евреев или граждан, прину-

дительно отправляемых на работу в Германию, но толку от этого было мало. В подпольной газете бельгийского Сопротивления декабрьские уступки характеризовались как отречение судебного корпуса от своих обязанностей. Семелен делает вывод, что, однажды решившись остаться на своих местах, бельгийские судьи не были способны выдержать конфронтацию с оккупантами.

Таким образом, Дания и Бельгия являли собой примеры обреченной на провал политики компромиссов, при этом существование легальных национальных органов власти сдерживало развитие подпольных форм сопротивления. Иными были ситуации в Норвегии и Нидерландах. Монархи и правительства этих стран отправились в изгнание в Англию, что поначалу многими расценивалось как трусость, позорное бегство. Но затем существование правительств в изгнании превратилось в важный знак сохранения легитимных политических институций. Благодаря их существованию немцам было сложнее добиться признания вновь созданных органов управления, их деятельность с самого начала вызывала сопротивление. Например, рейхскомиссар Норвегии Й. Тербовен в течение полугода после оккупации страны так и не смог привлечь к сотрудничеству никого из представителей норвежских политических партий, кроме местных нацистов во главе с Квислингом, пользовавшимся, однако, слабой народной поддержкой и не считавшимся умелым руководителем. 25 сентября 1940 г. все политические партии, кроме нацистской, были запрещены, Тербовену пришлось править при помощи немецких чиновников и небольшого числа местных коллаборационистов. Что касается рядовых чиновников, то они поначалу были дезориентированы. Одни уволились, другие остались, надеясь продолжать отстаивать интересы своей страны. Но когда Тербовен попытался легитимировать свои решения запросом в верховный суд, тот в полном составе подал в отставку. Это событие имело огромное значение, поскольку прямо указало на незаконность нового режима и оправдало любое сопротивление ему, до этого момента имевшее лишь маргинальный характер.

Впрочем, оговаривается Семелен, все же нельзя с полной уверенностью говорить о взаимосвязи между позицией высшего чиновничества и развитием низового сопротивления: в разных странах действовали и многие другие факторы. Низовое сопротивление, как вооруженное, так и ненасильственное, обладало значительной степенью автономии. Тем не менее в Норвегии, если сравнивать ее с Данией, позиция монарха, правительства, парламентских партий и судебного корпуса способствовала более ранней мобилизации групп сопротивления — уже в 1941 г., а не в 1943-м, как в соседней стране. Так, попытки нацистских властей поставить под контроль спортивные объединения привели к их самороспуску. Открыто протестовало против вмешательства в дела норвежской церкви духовенство, распространявшее соответствующие пастырские послания. Учителя отказывались следовать в преподавании нацистским учебным планам и вступать в официальный нацистский профсоюз и по инициативе подпольного координационного комитета массово писали письма об этом в министерство по делам религий и образования. Это привело к приостановке преподавания в норвежских школах, а потом и к арестам неояльных учителей, их депортации в лагерь под Киркенесом, где содержались также советские военнопленные. Но затем власти были вынуждены пойти на уступки. Учителей вернули из лагеря, занятия в школах возобновились, а членство в официальном профсоюзе стало добровольным (в него вступило лишь небольшое число преподавателей). При этом, как замечает Семелен, норвежские протесты были направлены главным образом против марионеточного правительства Квислинга, которое с неуместным подчас рвением пыталось продемонстрировать Гитлеру свою полезность, добиться расширения своих полномочий. В меньшей степени они затрагивали рейхскомиссара Тербовена, который использовал протесты,

чтобы подорвать претензии Квислинга на большую самостоятельность, сохранить и усилить собственную власть.

Во Франции ситуация была иной, чем в Норвегии. Там правительство Петена стремилось быть максимально лояльным Германии, при этом его легитимность поначалу сдерживала сопротивление оккупантам. Тем важнее было выступление де Голля, которое маркировало появление иной легитимности и стимулировало протестные акции. Чтобы убедиться в поддержке своих действий французами и одновременно показать им, сколь многие против сотрудничества с Германией, де Голль, например, просил своих сторонников оставаться дома в определенные часы. Организованная немцами в это самое время бесплатная раздача картофеля в Париже не помешала опустевшим улицам стать важным элементом пассивного сопротивления оккупантам.

Схожее значение имели и радиообращения из Лондона нидерландской королевы Вильгельмины. Оставшееся в стране нидерландское чиновничество проявило себя еще менее боевым, чем бельгийское. Когда в ноябре 1940 г. был смещен председатель верховного суда, еврей по национальности, никто из коллег не выступил в его поддержку. В сентябре 1944 г., с вступлением на территорию Нидерландов британских войск, оставшиеся члены верховного суда были уволены правительством в изгнании. Дело, однако, было не только в этих судьбах. Как отмечает Семелен, даже несмотря на жертвы мая 1940 г., бомбардировку Роттердама и других городов, жители Нидерландов в большинстве своем не испытывали исторической вражды к немцам. Хотя протесты стали возникать уже в первые месяцы оккупации, они носили спонтанный и локальный характер и были связаны с репрессиями против евреев или ухудшением условий труда. До 1943 г. население Нидерландов колебалось между признанием легитимности фактического правительства и находившихся в Лондоне королевы и правительства в изгнании.

Семелен пишет, что решиться на протестные действия, особенно без оружия, то есть будучи беззащитным, может далеко не каждый, для этого нужно быть кем-то вроде святого мученика. Другое дело — коллективные действия. В группе готовность человека пойти на риск возрастает: страх уменьшается, когда им можно поделиться с товарищами. Возникает и превозмогающее страх чувство солидарности. Все эти особенности в свое время обстоятельно исследовались военными психологами. Готовность к гражданскому сопротивлению зависит, таким образом, от степени социальной сплоченности общества, которая в разных странах накануне войны была неодинакова. Она была больше в Норвегии, где способствовала активным протестным акциям, в которые вовлекалось большое количество людей, и меньше во Франции, накануне войны политически поляризованной и фрагментированной; там социальная сплоченность складывалась уже в период немецкой оккупации, что влияло на способность французов к организованным протестам.

Социальную сплоченность при этом не следует путать с жестким идеологическим контролем. Скорее она означает существование консенсуса относительно правил игры даже при сильном различии мнений. Она определяется, кроме того, наличием у людей чувства, что они действительно принадлежат к тому обществу, в котором живут. В духе теории А. Адлера Семелен пишет, что с психологической точки зрения сплоченность — это признание человека другими людьми и его готовность признавать их. В кризисные времена она проявляется в том, насколько подвергшееся агрессии общество способно совместно блокировать угрозу. Социальные связи должны быть достаточно сильными, чтобы пережить шок нападения. Люди готовы защищать, даже с риском для себя, лишь то, что им по душе.

Таким образом, в книге Семелена социально-психологические конструкции соединяются с анализом конкретных ситуаций и тех многообразных форм, которые

могло принимать ненасильственное сопротивление. При этом, несмотря на его политическую убежденность в правильности ненасильственного сопротивления, автор показывает его во многих случаях сомнительные результаты. Но это, по мысли Семелена, не значит, что практика ненасильственного сопротивления порочна или неэффективна. Каждый раз она зависит от имеющихся социальных и психологических условий, а также от общего исторического контекста, который необходимо учитывать как при исследовании практик ненасильственного сопротивления в прошлом, так и в продумывании их применимости в настоящем. Демонстрируя амбивалентность практик ненасильственного сопротивления, книга не дает простых ответов, которые были бы проецируемы на современную ситуацию.